

Издание собрания сочинений М.М. Бахтина на китайском языке (К истории развития бахтиноведения в Китае)*

© 2019 Лу Сяо-хэ

Лу Сяо-хэ, профессор Академии общественных наук провинции Хэбэй.

E-mail: 1092739597@qq.com

Академия общественных наук провинции Хэбэй,
г. Шицзячжуан, провинция Хэбэй, Китай

**Статья подготовлена к публикации на русском языке С.А. Дубровской и И.В. Ключевой при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Республики Мордовия в рамках научного проекта № 18-411-130008 «Идеи М.М. Бахтина в процессе гармонизации социальных отношений Республики Мордовия». Руководитель проекта – доктор философских наук профессор Н.И. Воронина.*

Аннотация. В статье прослеживается история развития бахтиноведения в Китае. Дается характеристика его основных этапов. Автор рассказывает о своей работе в качестве переводчика и заместителя главного редактора над изданием собрания сочинений М.М. Бахтина. Очерчиваются перспективы развития бахтиноведения в Китае (в рамках литературоведения, философии, культурологии и др.). Рассматриваются основные проблемы, с которыми сталкиваются переводчики текстов Бахтина при работе с его терминологией; дается научное обоснование редакторских правок их переводов, сделанных автором данной статьи.

Ключевые слова: М.М. Бахтин, бахтиноведение в Китае, собрание сочинений М.М. Бахтина, перевод научной терминологии.

1

Имя Михаила Михайловича Бахтина впервые появилось в китайской печати и таким образом вошло в поле зрения читателей Китая в начальный период осуществления программы экономических реформ в нашей стране, когда начали расширяться ее внешние связи. В 1982 г. профессор Фуданьского университета¹ Ся Чжун И (Xia Zhong Yi) перевел на китайский язык первую главу книги Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского». Перевод был опубликован в журнале «Мировая литература». В этом же номере журнала появилась обзорная статья Ся Чжун И «“Записки из подполья” Достоевского и вопросы полифонического романа». С этого времени в Китае началось изучение бахтинской теории полифонического романа.

Теория Бахтина, подобно свежему ветру, рассеяла туман, окутавший наше литературоведение, как прозрачная струя, очистила души от догматизма. Мы были потрясены культурологическими и литературоведческими идеями ученого. Его теория литературы и искусства, его способ понимания и толкования художественных произведений были для нас принципиально новыми и необычными.

Китайские ученые приступили к изучению философских, эстетических, литературоведческих и лингвистических взглядов Бахтина, его основных понятий и концепций («диалог», «полифонический роман», «карнавализация», «хронотоп», «вненаходимость», а также «металингвистика», «многоязычие», «слово» («дискурс»), «высказывание» и др.).

В процессе освоения идей Бахтина в Китае можно выделить два основных этапа.

Первый этап начался с момента первой публикации в нашей стране его работы

¹ Университет Фудань – одно из и старейших и самых престижных высших учебных заведений Китая. Находится в Шанхае (С.Д., И.К.).

(1982) и завершился другим знаменательным событием – выходом в свет его собрания сочинений (1998) [5].

Второй этап начался с 1999 г. и длится по настоящее время. Первый этап отличался следующими особенностями.

Во-первых, Бахтин воспринимался китайскими учеными как русский философ и литературовед, поэтому его идеи изучались исключительно на материале русской литературы.

Во-вторых, тематика исследований практически ограничивалась теорией полифонизма, и, как правило, была сконцентрирована на анализе отношений автора и героя (диалог или монолог). В 1998 г., накануне издания собрания сочинений Бахтина критик Ли Бин (Lǐ Bīng) в статье «Обзор исследований идей Бахтина», опубликованной в журнале «Литературные и искусствоведческие исследования», писал: «В настоящее время в исследованиях идей Бахтина по-прежнему существует только один объект изучения, область исследования узка...». Он высоко оценил мою статью «Теория хронотопа Бахтина», опубликованную в журнале «Русская литература» в 1991 г.: «Мы ожидаем таких статей, как статья Лу Сяо-хэ, которая открывает новую область в исследовании идей Бахтина».

В-третьих, это было время блестящих успехов наших литературоведов в работе над переводами трудов Бахтина и представителей его Круга на китайский язык. В 1988 г. мы перевели книгу «Проблемы поэтики Достоевского», в 1987 г. – книгу П.Н. Медведева «Формальный метод в литературоведении», в 1989 г. – книгу В.Н. Волошинова «Фрейдизм». Тексты «Ответ на вопрос редакции (журнала “Новый мир”))» и «К методологии гуманитарных наук» пришли к нашему читателю в середине 1990-х гг. Таким образом, в первый период мы заложили необходимый фундамент для изучения идей Бахтина в Китае – создали источниковую базу. Тем не менее большинство читателей и исследователей считали, что для продолжения изучения творчества Бахтина, для расширения круга рассматриваемых вопросов не терпело отлагательств издание собрания его сочинений.

В 1998 г. вышло в свет полное собрание сочинений Бахтина в 6 томах. Это стало важным событием не только в области китайского бахтиноведения, но и в истории всего нашего литературоведения, а также в практике издательского дела Китая. Шеститомник повлиял на развитие нашей культуры в целом. Значение этого издания трудно переоценить, настолько колоссальной была его роль в определении направлений общекультурного развития страны.

После издания полного собрания сочинений исследовательская ситуация в бахтиноведении существенно изменилась. На протяжении второго периода здесь наблюдался непрерывный подъем.

Во-первых, стало расти число исследователей-литературоведов, обращающихся к творчеству Бахтина, началась диверсификация тематики их работ (вместо единого направления в прошлом). К тем, кто занимался вопросами развития теории литературы и искусства в России, подключились ученые, изучающие развитие китайской, англо-американской и французской теории литературы и искусства.

Во-вторых, бахтиноведение существенно расширило свои границы: кроме литературоведов, к Бахтину начали обращаться философы, эстетики, лингвисты, специалисты в области педагогики, религиоведения, экономической теории. Наиболее наглядно это проявилось в том, что целый ряд крупнейших вузов Китая ввел в свои учебные планы (прежде всего, на уровне докторантуры) дисциплины, предполагающие изучение научных идей Бахтина.

Поскольку число исследователей Бахтина увеличилось, полное собрание его сочинений стало труднодоступным (несмотря на то, что его первый тираж составил 5000 экземпляров, а это довольно много для научной литературы).

В 2009 г. Хэбэйское издательство просвещения выпустило 2-е, переработанное

издание полного собрания сочинений (тиражом 1000 экземпляров) [6]. Несмотря на это, книг Бахтина на китайском языке по-прежнему не хватает, и с 2017 г. мы активно готовим к публикации 3-е издание – на этот раз оно выйдет в «Народном литературном издательстве» в Пекине. Таким образом, можно сказать, что бахтиноведение превратилось в Китае в известное и востребованное учение. Сегодня имя Бахтина известно всем литературоведам нашей страны.

Как было сказано выше, издание полного собрания сочинений предоставило исследовательскую базу для ученых нашей страны. Это привело к стремительному росту количества научных монографий и статей, связанных с идеями Бахтина. Согласно статистике, на первом этапе – с 1982 по 1998 г. (за 16 лет) было опубликовано всего три монографии. С 1999 до конца 2014 г. (за 15 лет) было защищено 13 докторских диссертаций, опубликовано 7 монографий. Значительно выросло число научных статей. За 1980–2002 гг. в нашей стране было опубликовано 148 статей (то есть в среднем ежегодно выходило не более 6 статей), за 15 лет нового столетия – не менее 500 [см.: 7], то есть ежегодно публиковалось в среднем 30–35 статей. (Это лишь по неполным данным, не учитывающим публикации за последние три года.) В настоящее время монографий и статей становится все больше и больше. Таким образом, полное собрание сочинений играет большую стимулирующую роль для научных исследований идей Бахтина.

Помимо публикационной активности, в нашей стране неоднократно проводились научные конференции, посвященные идеям Бахтина: в 1993 г. проведена конференция в Пекинском университете. В 1995 г. в честь 100-летия со дня рождения Бахтина состоялся Круглый стол в Академии общественных наук Китая. В 1998–2014 гг. состоялись четыре общенациональные научные конференции, посвященные изучению творчества Бахтина: в 1998 г. конференцию провели Пекинский университет иностранных языков и Академия общественных наук Китая (в ее рамках прошла презентация полного собрания сочинений мыслителя); в 2004 г. состоялся научный семинар в университете города Сянтань (провинция Хунань); в 2007 г. состоялся национальный научный семинар в Пекинском педагогическом университете и Академии общественных наук Китая; в 2014 г. Нанкинский университет совместно с Академией общественных наук провели международную конференцию «М.М. Бахтин в межкультурном контексте». В сентябре 2017 г. Фуданьский университет совместно с Академией общественных наук Китая, Всекитайским Бахтинским обществом и Всекитайским обществом по зарубежной критике, литературоведению и сравнительной поэтике, Китайской ассоциацией иностранной литературы выступил организатором мирового форума – XVI Международной Бахтинской конференции «Бахтин в постреволюционную эпоху». Эти конференции значительно расширяют влияние идей Бахтина в Китае.

Таким образом, ситуация с исследованием научного наследия Бахтина в нашей стране – как по количеству исследователей и числу публикаций, так и по разнообразию тем и глубине их постижения – приближается к ситуации, сложившейся в российской науке. Это стало возможным благодаря интересу китайских ученых и их необыкновенному усердию, а также благодаря масштабности и глубине бахтинских идей. Не меньшее значение имело и своевременное издание в нашей стране полного собрания сочинений ученого.

Сегодня в нашей стране продолжается активное исследование научных идей Бахтина; можно сказать, что настоящее время – время расцвета бахтинистики в Китае.

2

Вероятно, можно было бы достичь более значительных успехов, если бы исследовательская работа в 1990-х гг. велась более интенсивно. Но в 1990-х гг. ситуация в нашей общественной жизни изменилась. Тогда в стране была в моде теория «Вай Мао – Эай Мао» («Не важно, какого цвета кошка – черного или белого – лишь бы она ловила мышей»). «Мао теория» – это, в сущности, зависимость от денег. Суть теории: главное –

деньги, все остальное – мораль, знание, наука, образование – не имеет значения. Тогда в Китае поднялся «сильный черный вихрь в море» (что означает: все занялись бизнесом). Это привело к деинтеллектуализации всех сфер жизни. Деятели культуры и образования, научно-технические работники, не говоря уже о людях, занимающихся экономическими вопросами, торговлей, – все были в погоне за деньгами или работали исключительно ради денег.

Вероятно, многие помнят, как в начале 1990-х гг. большое количество «челноков» в России занимались торговлей: на железнодорожных вокзалах было немало людей, которые несли огромные сумки с кожаными куртками. Точно такая же ситуация была и в моей стране. В конце 1992 г., вернувшись на родину после обучения в России, я увидел, что многие из моих сокурсников также стали заниматься торговлей и бизнесом; ученые участвовали в каких-то коммерческих предприятиях, организовывали фирмы. Почти все институты при нашей Академии открыли коммерческие фирмы, занимались разными видами бизнеса. Словом, все устремились к деньгам.

Особые проблемы возникли с издательским делом. Издание теоретических монографий приносило убытки, поэтому к научным трудам отношение было прохладное. Например, издание полного собрания сочинений Аристотеля (первого и единственного в нашей стране) растянулось на несколько лет (1990–1997 гг.), вышло 10 томов.

Тогда и я чуть было не был унесен этим «черным вихрем». Однако я вовремя осознал, что никогда не буду заниматься торговлей, что я – человек, который «садится на холодный табурет», то есть упорно в одиночестве трудящийся на своем поприще.

В это время кроме работы над своим диссертационным исследованием я занимался переводом на китайский язык некоторых произведений Бахтина. В мае 1995 г. я привез свой перевод его работы «Слово в романе» в Хэбэйское издательство просвещения, чтобы узнать, можно ли его издать. Я оставил рукопись у ответственного редактора издательства и стал ждать. Почти каждые две недели я приходил в издательство и спрашивал, прочитан ли перевод, есть ли какое-то решение по его доработке или изданию. Каждый раз я возвращался ни с чем. Так продолжалось два или три месяца. Мне стало уже неловко приходиться в кабинет к редактору (словно я делал что-то плохое). В это время мой руководитель заметил, что я расстроен, и порекомендовал мне развивать в себе дух «три Рі»: «Yin zhi tou pi, hou zhe lian pi, mou ro zui pi», т. е. развивать «дух смелости, настойчивости, упорства, даже наглости». Однако мне не удалось преуспеть в этом, так как по натуре я человек скромный, не могу настоять на своем. Я человек правдивый по отношению к другим и критичный по отношению к себе. В офисе ответственного редактора я шепотом спросил ее о своей работе и, узнав, что она еще не прочла мой перевод, повернулся и вышел в замешательстве и смущении.

Все это тянулось более полугода. Хотя я и считал, что это хороший опыт, закаляющий волю человека, но был расстроен тем, что нет никакого продвижения в издании перевода, нет никаких перспектив. Ситуация изменилась 17 ноября 1995 г. Это день 100-летия Бахтина. В честь этого юбилея в Пекине, в Академии общественных наук Китая, состоялся круглый стол. Меня пригласили принять в нем участие. После того как я вернулся в Шицзячжуан, я немедленно пошел в Хэбэйское издательство просвещения. На этот раз я был воодушевлен, чувствовал моральную поддержку, понимал, что я не одинок. Я коротко рассказал редактору о круглом столе и предложил издание полного собрания сочинений Бахтина, а не просто перевода его работы «Слово в романе». Я сказал, что если она не даст мне окончательного ответа, то я буду вынужден связаться с другим издательством. Возможно, мое искреннее желание и настойчивость тронули ее. Редактор сказала, что ей нужно изучить вопрос.

После Праздника весны² 1996 г. я снова был в ее кабинете. Она сказала, что хотя

² Китайский новый год, который после 1911 г. в дословном переводе называется Праздник весны (Chūnjié, Чуньцзе) – главный и самый продолжительный праздник в Китае и других странах Восточной Азии. Приурочен к зимнему новолунию по завершении полного лунного цикла, после зимнего солнцестояния (т. е. на

Бахтин – старик, его мысли отличаются новизной, поэтому она приняла решение издавать полное собрание его сочинений и предложила мне собирать материал. Я подумал, что, может быть, сам Бахтин в раю мне помог (китайцы говорят в таких случаях: «его дух – вечнозеленый»), а может быть, вышло по пословице: «Чистосердечная искренность и камень расколет». Мою радость трудно передать словами. Я начал собирать труды Бахтина на китайском и на русском языках – все, что мог найти в нашей стране. После этого редактор попросила меня найти авторитетного ученого, который станет главным редактором издания, сказав, что это «придаст ему вес». Разумеется, я понял, что она имела в виду.

Я побывал в Пекине и встретился с профессором Цянь Чжунвэнем (Qian Zhong Wen). Посоветовавшись, мы решили, что он будет главным редактором, а я и профессор Бай Чунь Жень (Bai Chun Ren) – его заместителями. Так была создана редакционная коллегия. Мы распредели обязанности ее членов: все организационные вопросы должен был решать главный редактор, а я, вернувшись в Шицзячжуан, должен был заняться переводом работы Бахтина «Эстетика словесного творчества».

Для продолжения нашей работы мне пришлось несколько раз съездить в Пекин, так как появились проблемы с финансированием. Издательству нужны были деньги для запуска издания в производство, но я не нашел ни цента. Поэтому я обратился с этим вопросом к Президенту Академии наук нашей провинции. Он сказал, что если бы я был главным редактором, то тогда можно было бы обсуждать со мной вопрос финансирования, но так как я был лишь заместителем главного редактора, заключать договор о финансировании со мной – это нарушение правил. Президент Академии спросил, почему бы мне не стать главным редактором, объяснив это так: идея издания принадлежит мне, издательство находится в провинции Хэбэй, я много работал по продвижению проекта, у меня немало опубликованных статей о Бахтине. «Это разумно и справедливо, – продолжал Президент, – в Пекине – один главный редактор, в провинции Хэбэй – другой. Вы вполне имеете на это право. Разве не так?» Выслушав его, я написал письмо господину Цянь Чжунвэню, в котором спросил о его мнении по этому поводу. Он согласился с предложением Президента Академии. Но затем я подумал: главных редактора – два, а заместитель – один; получается, что «голова большая и тяжелая, а ноги тонкие и слабые – так что голова не удержится». Я предложил профессору Бай Чунь Женью следующий вариант: мы все троим будем главными редакторами. Однако он от этого варианта категорически отказался. Таким образом, все осталось по-прежнему: один главный редактор и два его заместителя.

Когда работа над рукописью была завершена, ответственный редактор спросил меня, в каком порядке следует указывать в издании фамилии его заместителей. Я ответил, что моя фамилия должна стоять на последнем месте, так как в то время я еще не был профессором. Это было мое решение.

Следует сказать, что в то время (а пожалуй, и сегодня) в нашей стране тот, кто был главным редактором, достигал славы и богатства. Поэтому те, кто имеет власть и деньги, стремятся занять место главного редактора, но при этом практически ничего не делают. Из-за того что многие в нашей печати только называются главными редакторами (а их очень много), настоящие ученые призывают развернуть борьбу с людьми, не имеющими научной эрудиции, с «псевдоредакторами». (Как гласит китайская пословица, «богач может и чёрта заставить себе служить».) Так едва не произошло и в нашем случае – руководители издательства тоже захотели, чтобы их указали в издании в качестве главных редакторов. Этого не случилось благодаря настоящему главному редактору, который наложил на это свое вето.

Несмотря на подобные неприятные детали, следует подчеркнуть, что мы весьма благодарны руководству Хэбэйского издательства просвещения за его щедрую помощь.

Тогда, при политике самоокупаемости, издание научных трудов могло стать убыточным делом. Это сегодня, если труд очень важен, он может получить финансовую поддержку от Фонда социальных наук Китая. Собрание сочинений Бахтина могло не выйти в свет в 1990-х гг., а значит, не было бы сегодня в Китае таких успехов в исследовании его творчества.

Итак, собрание сочинений Бахтина было опубликовано благодаря новизне его мысли и глубине теории, а также благодаря благоприятному для нас стечению обстоятельств. Почему же оно не было опубликовано в другом издательстве? Это произошло потому, что в то время Хэбэйское издательство просвещения, опираясь на собственные силы (финансовые возможности), издавало целый ряд произведений мировой литературы: помимо национальных изданий (таких, как «Все оперы и песни при династии Юань»), были опубликованы полные собрания сочинений А.С. Пушкина, И.С. Тургенева, Ф.М. Достоевского, Ф. Кафки и др. (всего – более 300 томов книг, больше 100 миллионов китайских иероглифов). Поэтому ответственный редактор настоял на том, чтобы издавать «Полное собрание сочинений М.М. Бахтина», а не «Собрание сочинений М.М. Бахтина» или «Сочинения М.М. Бахтина». Если бы название было другим, то мы не смогли бы «сесть в этот экспресс». Для нас самым главным было, чтобы труды Бахтина поскорее вышли на свет – неважно, под каким названием. Мы смирились и согласились, хотя «Сочинения М.М. Бахтина» – лучшее, а главное, более точное название для этого издания. В этой связи президент издательства господин Ван Я Мин (Wang Ya Ming) сказал мне: «Чтобы собрание сочинений Бахтина вышло в свет, сядь в экспресс “Сочинения писателей мира”».

Если смотреть с этой точки зрения, то стремление президента издательства войти в число главных редакторов справедливо. Но, с другой стороны, он мог выполнять лишь организационную работу и не имел права быть научным редактором издания. Президент издательства значится в 6-м томе нашего издания в качестве одного из ответственных редакторов. Каждый раз, когда я вспоминаю об этом факте, я испытываю неприятные чувства. Но в то время у нас не было другого выхода. Еще раз подчеркну: хотя господин Ван Я Мин не принимал участия в редакторской работе и не должен был войти в редакционную коллегию, в тот момент, в той обстановке он стремился к изданию полного собрания сочинений Бахтина, что было большой редкостью. Поэтому он действительно заслуживает похвалы и достоин считаться выдающимся издателем.

В то время в Китае были и другие богатые издательства. Однако ни одно из них не взяло на себя столь непростую задачу, как издание трудов Бахтина. Например, перевод одной из его работ, сделанный профессором Цянь Чжунвэнем, пролежал в одном издательстве десять лет, прежде чем был опубликован в полном собрании сочинений. Я хорошо помню, как господин Бай Чунь Жень, узнав, что полное собрание Бахтина может выйти в свет, сказал: «У центрального издательства много свекровей-мам!». (Это означало, что центральные издательства не хотят делать убыточную работу.) Поэтому неудивительно, что полное собрание вышло в нашей провинции. Это свидетельствует о том, что господину Ван Я Мину свойственны дальновидность и прозорливость, что вызывает с моей стороны уважение и восхищение. Без преувеличения можно сказать, что он и Хэбэйское издательство просвещения внесли существенный вклад в дело исследования Бахтина и навсегда вписали себя в историю.

В 2017 г. мы решили подготовить переводы трудов Бахтина к изданию под названием «Собрание сочинений М.М. Бахтина», а не «Полное собрание сочинений М.М. Бахтина». 3-е издание выйдет в «Народном литературном издательстве» в Пекине, а не в провинции Хэбэй, как первые два. Меня спрашивают, почему первые два издания назывались «Полное собрание сочинений», а третье – «Собрание сочинений». Это объясняется тем, что в настоящее время даже в России еще нет «Полного собрания сочинений М.М. Бахтина», как же мы можем назвать свое издание «Полным собранием сочинений»?

По сравнению с 1-м и 2-м изданиями мы дополнили собрание сочинений новыми материалами, а также изменили его структуру. В 3-м издании работы представителей «Круга Бахтина» («Формальный метод в литературоведении», «Марксизм и философия языка» и др.) не вошли в основной состав, они будут изданы в качестве приложений. К каждому тому добавлено предисловие и т. п. Все эти изменения делают «Сочинения М.М. Бахтина» на китайском языке более достоверным. Я уверен, что по мере того как будет издаваться «Собрание сочинений М.М. Бахтина», исследования идей мыслителя в нашей стране развернутся с новой силой и достигнут еще более высокого уровня.

3

После того как я вернулся в Шицзячжуан, я целеустремленно начал переводить труд Бахтина «Эстетика словесного творчества». Спустя некоторое время из Пекина мне прислали варианты перевода терминов Бахтина. Ознакомившись с ними, я сделал следующие предложения.

Во-первых, я считаю, что имена персонажей античной мифологии и географические названия нельзя переводить, опираясь на их русские аналоги, их необходимо привести в соответствие с греческими или латинскими, так как их произношение различается (например, Aesculapius – Эскулап или название места Olympus – Олимп).

Во-вторых, русские и иностранные имена должны переводиться по «Большой энциклопедии», если же в ней нет этих имен, то по «Справочнику перевода русских имен», а не по старым учебникам.

Редакционный совет принял мое предложение. Над этим собранием работало более тридцати переводчиков. Несмотря на то что все мы придерживались общих требований, добиться полного единства было совсем не просто. Эта тяжелая работа легла на мои плечи. Я приложил максимум усилий к ее выполнению. Позже главный редактор в «Предисловии» к изданию писал: «...профессор Лу Сяо-хэ переводил, редактировал, давал важные советы по поводу перевода некоторых терминов...» [5, с. 68].

Несмотря на то что была проделана огромная работа, в опубликованном полном собрании обнаружилось немало ошибок. Главная причина этого заключается в том, что, как справедливо отметил один российский автор, «читать Бахтина трудно» [4, с.].

После того как полное собрание вышло в свет, я начал писать свою монографию «Философские идеи М.М. Бахтина», где изложил собственное понимание идей ученого. Перед 2-м изданием полного собрания сочинений я еще раз внимательно пересмотрел и исправил его. Если проанализировать эту работу, то можно выделить следующие моменты.

1. В области философии и эстетики. Полагаю, что на Бахтина, особенно на его раннее творчество, повлияла немецкая классическая философия (конкретно – И. Кант) и феноменология. Это отразилось на его философских и эстетических взглядах, особенно в использовании терминов «я-для-себя», «другой-для-меня», «я-для-другого». Я считаю, что при переводе текстов Бахтина следует учитывать источники используемой им терминологии и контексты ее употребления такими мыслителями, как Х. Вольф и А. Баумгартен, а также В.Г.Ф. Гегель, И.Г. Фихте, Ж.-П. Сартр, М. Бубер, Х. Г. Гадамер и даже великий пролетарский философ и революционер К. Маркс. Я также считаю, что для более адекватного перевода очень важно учитывать одновременно и источники, и контексты. Так, например, перечисленные термины были переведены: «в моих глазах», «в глазах другого», а это неправильно. Обо всем этом я пишу в монографии «Философские идеи М.М. Бахтина».

Следует также уделить внимание термину «софийность». Многие переводчики считали это слово опечаткой, поскольку в 1990-х гг. (как и сегодня) его не было в нашем «Большом русско-китайском словаре». Я думаю, что это слово близко по значению слову «соборность», поэтому его можно перевести как «shenxing», т. е. «божественность».

Господин Цянь Чжунвэнь считает, что оно близко слову «наличность», и в «Полном собрании сочинений» есть «shitixing», что значит по-русски «существенность». Однако я настоял на своем мнении.

2. В области литературоведения. При переводе книги Медведева «Формальный метод в литературоведении» переводчик допустил ошибку: слово «формальный» он понял как «формалистический». Это привело к смысловому хаосу при восприятии текста.

3. В области лингвистики. Известно, что Бахтин создал свою собственную металингвистику на основе лингвистики Ф. де Соссюра. Это следует иметь в виду при переводе трудов, связанных с данной областью гуманитарного знания.

Мы заметили, что Бахтин, как и Соссюр, различает термины «язык» («langue») и «речь» («parole»). Согласно Соссюру, язык является системой знаков, а речь – действием человека, его личным, конкретным поступком. Бахтин же считает, что слово «parole» лучше переводить как «высказывание», а не как «речь». «Слово» в зависимости от контекста можно перевести на китайский язык как «слово» и как «дискурс» («discours») и т. п. Мы должны переводить все эти термины по единому принципу во избежание путаницы.

Переводчик книги Волошинова «Марксизм и философия языка» перевел ее недостаточно внимательно. Так, например, вместо слова «понимание» он использует слово «понятие», поэтому смысл некоторых предложений остается неясным. При беглом чтении можно не заметить ошибку в некоторых предложениях. Например, остановлюсь на отношении между контекстом, смыслом и значением. Бахтин (Волошинов) очень хорошо сказал: «Смысл слова всецело определяется его контекстом. В сущности, сколько контекстов употребления данного слова, – столько его значений. При этом, однако, слово не перестает быть единым, оно, так сказать, не распадается на столько слов, сколько контекстов его употребления» [3, с. 81]. В этой цитате сказано следующее: несмотря на то что одно слово употребляется в нескольких контекстах, это слово не может разлагаться на несколько слов, оно сохраняет внутреннее единство. Но в переводе на китайский язык получилось так: это слово употребляется в нескольких контекстах и выходит столько слов, сколько контекстов. Переводчик неточно понимает, какое значение имеет словосочетание «не перестает быть».

Я считаю, что такие ошибки появились потому, что, кроме невнимательности по отношению к этому выражению, переводчик искажил популярный в западном литературоведении концепт «смерть автора». Идея «смерти автора» противоречит Бахтину. Так, например, он использует термин «высказывание» вместо термина «речь» потому, что первый термин подчеркивает наличие автора. «Высказывание» и «слово» изменены только тогда, когда автор изменен. Поэтому «значение» – «одно», а «смыслов» – «много», разные контексты – разные смыслы, но все смыслы указывают на одно значение, одно слово, одно высказывание. Поэтому нельзя согласиться с выражением: «Тысяча читателей – тысяча Гамлетов». У тысячи Гамлетов только один автор – Шекспир, поэтому, даже если это тысяча Гамлетов, они по-прежнему означают одного (точнее – единственного) Гамлета, а не кого-то другого, например Карамазова или нашего Цзя Баоюя (Jia Bao Yu) – героя «Красного сна»³.

Моя работа по тщательному и внимательному вычитыванию полного собрания сочинений была отмечена в «Послесловии» к его 2-му изданию. Главный редактор сделал следующий комментарий: «К выполнению работы по подготовке второго издания шеститомного собрания сочинений М.М. Бахтина профессор Лу Сяо-Хэ подошел очень серьезно и ответственно, он исправил немало неточностей и неправильных выражений,

³ Имеется в виду Цзя Баоюй – главный герой романа «Сон в красном тереме», одного из наиболее популярных классических романов на китайском языке. Первые 80 глав написаны Цао Сюэцинем (вышли в свет в 1763 г. под названием «Записки о камне»). В 1791 г., издатель Гао Э вместе со своим помощником добавил к тексту еще 40 глав и дал роману его нынешнее название (С.Д., И.К.).

особенно важно то, что были уточнены некоторые философские термины...».

В 2018 г. мы планируем выпустить 3-е издание собрания сочинений Бахтина. Главный редактор попросил меня просмотреть его еще раз. 4 мая 2017 г. он обратился ко мне с письмом, в котором отметил, что я нахожусь в «расцвете сил и здоровья» и он «очень просит» меня заняться этим. Мне уже исполнилось 75 лет. Конечно, я моложе его и, к счастью, еще чувствую себя бодро. Повышение и улучшение качества издания трудов Бахтина – главное дело моей жизни. Поскольку я очень долго работал над переводом текстов, в готовящемся 3-м издании ошибок уже немного.

Хочу обратить внимание только на одно место: «Хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях. Эти взаимоотношения между хронотопами сами уже не могут входить ни в один из взаимоотносящихся хронотопов» [2, с. 498]. В этой цитате выявляются взаимоотношения между хронотопами. Общий характер этих взаимоотношений Бахтин называет «диалогическим (в широком понимании этого термина)» [2, с. 488]. Например, в эстетике понятие «вчувствование / вживание» означает проникновение в чувства другого человека (героя произведения).

В «Авторе и герое...» Бахтин писал: «первый момент эстетической деятельности – вживание: я должен пережить – увидеть и узнать – то, что он переживает, стать на его место, как бы совпасть с ним... но во всяком случае за вживанием должен следовать возврат в себя, на свое место вне страдающего, только с этого момента материал вживания может быть осмыслен этически, познавательно или эстетически; если бы этого возврата не происходило, имело бы место патологическое явление переживания чужого страдания как своего собственного, заражение чужим страданием, не больше» [1, с. 106–107]. Он подчеркивал, что «отсюда непосредственно вытекает и общая формула основного эстетически продуктивного отношения автора к герою: отношения напряженной вненаходимости автора всем моментам героя, пространственной, временной, ценностной и смысловой вненаходимости» [1, с. 95]. Следовательно, «хронотопы могут включаться друг в друга, сосуществовать, переплетаться, сменяться, сопоставляться, противопоставляться или находиться в более сложных взаимоотношениях. Эти взаимоотношения между хронотопами сами уже не могут входить ни в один из взаимоотносящихся хронотопов» – таков вывод Бахтина [2, с. 498].

Для меня заниматься исследованием идей Бахтина, переводом и редактированием собрания его сочинений – очень значимая и очень любимая работа. Поэтому, сталкиваясь с какими-то трудностями, я всегда испытываю большую радость, когда преодолеваю их. Я также бесконечно рад, что труды Бахтина играют все большую роль, его научные идеи приняты многими учеными в различных областях нашей страны.

1. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг. М.: Языки славянских культур, 2003. 960 с.

2. Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 3. Теория романа (1930–1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.

3. Волошинов В.Н. Марксизм и философия языка. Ленинград: Прибой, 1930. 188 с.

4. Переверзев Л. Взаимная ответственность (О творчестве историка и теоретика литературы М.М. Бахтина) // Библиотечкарь. 1982. № 3. С. 46–49.

5. Полное собрание сочинений Бахтина: в 6 т. / под ред. Цянь Чжунвэня. Шицзячжуан : Хэбэйское издательство просвещения, 1998.

6. Полное собрание сочинений Бахтина: в 7 т. / под ред. Цянь Чжунвэня. Шицзячжуан : Хэбэйское издательство просвещения, 2009.

7. Чжоу Ци Чао (Zhou Qi Chao). Путешествие статей о М.М. Бахтине в современном Китае // Китайские ученые о М.М. Бахтине. 2014.

15 декабря 2017 г.

The publishing of M.M. Bakhtin's collected works in Chinese (To the history of the development of Bakhtin studies in China)

© 2019 Lu Xiao He

*Lu Xiao He, professor of the Academy of Social Sciences,
professor of the Academy of Social Sciences of Hebei Province.
E-mail: 1092739597@qq.com*

Academy of Social Sciences of Hebei Province,
Shijiazhuang, Hebei Province, China

Annotation. The article traces the history of the development of Bakhtin studies in China and gives the characteristic of its main stages. The author tells about his work (as a translator and deputy editor-in-chief) on the publication of Bakhtin's collected works. It outlines the prospects for the development of Bakhtin studies in China (as part of literary studies, philosophy, cultural studies, etc.). It analyzes the main problems the interpreters encounter when working with Bakhtin's terminology and provides a scientific justification for the editorial corrections made by the author of this article in their translations

Keywords: M.M. Bakhtin, Bakhtin studies in China, M.M. Bakhtin's collected works, translation of scientific terminology.

1. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 1. Filosofskaya ehstetika 1920-h gg. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2003. 960 s.
2. *Bahtin M.M.* Sobranie sochinenij : v 7 t. T. 3. Teoriya romana (1930–1961 gg.). M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2012. 880 s.
3. *Voloshinov V.N.* Marksizm i filosofiya yazyka. Leningrad : Priboj, 1930. 188 s.
4. *Pereverzev L.* Vzaimnaya otvetstvennost' (O tvorchestve istorika i teoretika literatury M.M. Bahtina) // Bibliotekar'. 1982. № 3. S. 46–49.
5. Polnoe sobranie sochinenij Bahtina : v 6 t. / pod red. Cyan' Chzhunvehnya. Shiczyachzhuan: Hehbehjskoe izdatel'stvo prosveshcheniya, 1998.
6. Polnoe sobranie sochinenij Bahtina : v 7 t. / pod red. Cyan' Chzhunvehnya. Shiczyachzhuan : Hehbehjskoe izdatel'stvo prosveshcheniya, 2009.
7. *Chzhou Ci Chao (Zhou Qi Chao).* Puteshestvie statej o M.M. Bahtine v sovremennom Kitae, kitajskie uchenye o M.M. Bahtine. 2014.